

ВЛАДИМИР АЛИМОВ (вертолетчик).

«А ЛЕТЕЛИ ТУШИТЬ "ПОЖАРЫ ПОД КИЕВОМ"...

Прославленный вертолетчик подполковник Владимир Алимов ныне служит в одном из отдельных вертолетных полков армейской авиации. Он прошел многие "горячие точки", отсчет которым ведет с участия в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. Об этом и был наш разговор.

- 26 апреля 1986 года в 4 часа 30 минут меня подняли по тревоге и приказали убыть на тушение "пожаров под Киевом", - вспоминает Владимир Ришадович. - Сейчас кажется кошунственным, что нам не сказали сразу правду, куда мы направляемся и зачем, но в тот роковой день командование, видимо, побоялось, что не все авиаторы ответят согласием на опасную командировку.

В то время Владимир Алимов служил в Казахстане под Байконуром, в части единой поисково-спасательной службы СССР. Поступивший приказ он, как и его товарищи, не обсуждал, но вызвало удивление, что ему, летчику 1-го класса, было приказано лететь в командировку правым, то есть "запасным" летчиком в экипаже заместителя командира отряда капитана Смирнова. Тем временем в часть стали прибывать вертолеты с экипажами из ближайших поисково-спасательных отрядов: из Троицка, Чебеньков, Аральска, Караганды...

Взлетели... Вплоть до Чернигова вертолетному "каравану" повсюду давали зеленый коридор. Только экипажи Ми-8 приземлялись, чтобы отдохнуть, перекусить, как тут же к "вертушкам" подъезжали заправщики, наполняли баки горючим, и следовала команда: "Вперед! Так надо, ребята!"

В Конотопе им наконец-то раскрыли тайну: в Чернобыле случилась катастрофа на атомной электростанции, так что срочно переделывайте полетные карты. В Чернигове их быстро вновь заправили, после чего 10 "бортов" наконец-то достигли пункта назначения - специальных вертолетных площадок (позывной "Кубок"), располагавшихся между Припятью и Чернобылем. Здесь они вошли в подчинение командующего вертолетной группировкой - начальника штаба ВВС Киевского военного округа генерал-майора Николая Антошкина (будущего Героя Советского Союза).

Смеркалось, но об отдыхе не могло быть и речи. К вертолетным площадкам свозили песок, свинцовые болванки. На совещании правительственной комиссии по ликвидации последствий катастрофы первым делом обсуждался вопрос, как заглушить взорвавшийся 4-й энергоблок. И тогда кто-то предложил забросать реактор песком и таким образом наглухо его закрыть.

Пока аэродромщики наполняли песком свезенные к вертолетам самолетные тормозные парашюты, к летчикам обратился незнакомый представительный седой мужчина, вышедший из правительственной "Волги".

- Ребята, почему вы не летите?

- Команды ждем, - ответили пилоты.

- Дорогие, - горячо заговорил мужчина, - если бы я умел летать, я бы тут же сел за ручку управления...

Оказалось, что это сам председатель правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии, заместитель председателя Совета Министров СССР Борис Евдокимович Щербина. Он же возглавлял в то время в СССР Бюро по топливно-энергетическому комплексу.

Разумеется, команда на взлет последовала тут же. Экипажам выдали общевоинские защитные комплекты, они надели прорезиненные чулки, и на этом все меры защиты ограничились.

- Легли на боевой курс, зашли на реактор, полусферы открыты... - рассказывает подполковник Алимов.

Первый полет проходил на скорости 50 километров в час на высоте 200 метров. Летчики сбрасывали с внешней подвески грузы в жерло 4-го реактора и... сразу же получали жесточайшие дозы облучения. Но об этом никто тогда не думал. Более того, никто и не предполагал, что дозиметры - "карандаши" Д-1 (1949 года выпуска) полагаются по одному на экипаж только после 5-6 заходов на реактор (?!).

- После первого полета уже в Чернигове к нам пришел химик-дозиметрист с прибором ДП-5, - рассказывает Владимир Ришадович. - Я стал замерять дозы полученной радиации, а у прибора такая особенность: если он определяет критическую отметку, на которую рассчитан, то стрелка падает на "0". Так что в результате в журнале учета доз облучения нам и поставили нули.

Самое неприятное, по воспоминаниям летчика, что уже на второй день работы над АЭС какой-то военврач порекомендовал вертолетчикам сдать рукописные данные о своих семьях.

- Это еще зачем?

- Когда умрете, - последовал убийственно бесцеремонный ответ, - то родственникам будут выплачивать за вас пенсию по 150 рублей.

Можно представить, с какими чувствами экипажи "вертушек" выполняли последующие полеты... Впрочем, думать о худшем не хотелось. При отсутствии радиационных приборов некоторые летчики при плане и допуске 4-6 вылетов делали по 33 вылета в день (!). А 15-20 вылетов за день - это была почти обычная их норма. И все - добровольно! Разве это не геройство?!

Алимов часто менял на месте командира капитана Смирнова, а тот его на правом сиденье. Так они летали два дня, а на третий по два экипажа Ми-26 и Ми-8, в число которых попал и их экипаж, были срочно отправлены на Ту-154, выделенном Министерством обороны, в Москву, в Центральный научно-исследовательский авиационный госпиталь в Сокольники. Лечиться... Чтобы остаться в авиации, летчики вырвали из своих медицинских книжек страницы, где были записаны истинные дозы полученного облучения - по 100 рентген, а вписали только по 31. Что скрывалось за этими цифрами, известно только специалистам. Массовому читателю пояснить это можно на простом примере - летному составу тогда допускалось за 3-4 раза пребывания в зоне получать суммарную дозу облучения всего лишь в 25 рентген.

Алимов провалялся на госпитальной койке 8 месяцев, из-за никчемных японских гормональных препаратов набрал лишних 20 килограммов веса, но с небом все-таки не расстался. И только через 4 года за участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС он был награжден орденом Красной Звезды (награда нашла его в Германии). А через 14 лет майор Владимир Алимов был удостоен звания Героя Российской Федерации за подвиг, совершенный в небе Чечни.

История одного кадра

Текст: Валерий Новиков

"СК-Новости", номер 104-105

Фрагмент черно-белой пленки, 1 метр, 26 кадров. В низком небе медленно, будто крадясь, перемещается вертолет с подвешенной к нему бочкой-емкостью непонятого назначения. Кадр наискось перерезает ажурная стрела подъемного крана. Плавная панорама. Ещё несколько метров, и... несущий винт цепляет трос крана, вертолет медленно — очень медленно! — заваливается набок, переворачивается... Стремительно разлетаются в стороны обломки лопастей, многотонная машина, разом ставшая похожей на беспомощного гигантского жука, летит вниз, скрываясь за крышей какой-то строительной конструкции. На нескольких последних кадрах в поле зрения вскидывающий руки бегущий человек. Все...

Этот кадр, без привязки к месту действия и конкретным обстоятельствам, разошелся по

многим документальным лентам. И не только документальным — так, он вошел в фильм Н.С. Михалкова "Анна. От 6 до 18". Сцена гибели вертолета стала своего рода символом техногенных трагедий XX века, свидетельством незащищенности и беспомощности человека перед гигантским машинизированным миром, им же самим созданным. Однако не все зрители, и не только зрители, знают, где именно произошла ужасная катастрофа, в каком фильме кадр гибели вертолета появился впервые, кто был его оператором. На эти вопросы отвечает режиссер Западно-Сибирской киностудии Валерий Новиков, имевший непосредственное отношение к съемкам документального фильма "Чернобыль. Осень 86-го", запечатлевшего трагедию гибели вертолета.

Площадка перед саркофагом, 2 октября 1986 г. 12.00.

Это случилось на съемках фильма "Чернобыль. Осень 86-го". К тому времени саркофаг начал приобретать законченные очертания. Мощные железобетонные плиты, за которые закачали немислимое количество бетона, образовали гигантские ступени, закрыв развал — развороченную взрывом реакторную зону. Крыши у саркофага пока не было, тем не менее, все вздохнули свободней. Причем не только в переносном смысле. Резко упал уровень радиации — настолько, что руководители стройки по этому поводу решили провести митинг. И не где-нибудь, а на площадке перед саркофагом — полагали, что это обстоятельство будет иметь символическое значение.

...Собирались, выстраиваясь полукругом, люди (в основном "партизаны" — призывники на чернобыльском жаргоне), длинная рука бетононасоса "Пуцмейстер" подняла над площадкой красный флаг, произнес речь заместитель министра среднего машиностроения, знаменитого атомного Средмаша, Анатолий Николаевич Усанов. Потом вручали грамоты, и военные музыканты, по команде сняв респираторы, дули в начищенные трубы... Всё было замечательно, только концовка торжества оказалась смазанной. В небе над саркофагом на небольшой высоте появились военные вертолеты, мощный рев десятка машин заглушил речи и митинг пришлось свернуть.

Один из вертолетов — корректировщик. Он завис в стороне, остальные подлетали к саркофагу, обрушивая в развал дезактивирующую жидкость из подвешенных под днищем на длинном тросе бочек-емкостей.

Такой эпизод у нас снят, и я показываю оператору Виктору Гребенюку сложенные крестом над головой руки, что на всем понятном языке означает — всё, шабаш. По плану переходим для съемок в бункер — этим словом здесь называют одно из не пострадавших от взрыва помещений АЭС. Оттуда сейчас ведется дистанционное управление подъемными кранами.

Прижимая к груди кинокамеру, оператор подходит ко мне и кричит, стараясь перекрыть шум моторов:

— Я останусь ненадолго, сниму крупные планы! А вы не палитесь, идите в бункер, я скоро подойду!

"Палитесь" — тоже жаргон, и со стороны Виктора это великодушно. С Виктором на площадке остался ассистент Сергей Шихов.

Бункер, 12.32

Мы в бункере. Отсюда с помощью мониторов корректируется работа подъемных кранов — так безопасней. На всех экранах одна картинка: в разных видах саркофаг и заходящие на него вертолеты. Вскоре появляется начальство, в том числе Усанов. Ждут, когда вертолеты закончат работу.

Мы тоже ждем — оператора.

...В первое мгновение никто не понял, что произошло. Вертолет, подлетающий к саркофагу, неожиданно исчез с экранов. Через секунду все скрылось в клубах густого дыма.

"Вертолет е...ся?" — неуверенно предположил замминистра (соблюдаю историческую точность). Захрипела рация — она работала с искажением из-за сильной ионизации воздуха, быстро садящей батарейки. "Тут это... вертолет упал...". "Куда? — взревел Дудоров, начальник стройки, — В развал?!". "Нет вроде... Метров пятьдесят в сторону, на

площадку. Горит сильно!". "Там люди, куда упал, были?!". "Нет вроде... Не знаю".

"Виктор!" — стукнуло в голове. Бежать, искать — куда?

Через минуту-другую я увидел оператора и ассистента в бункере в состоянии сильнейшего возбуждения. Срывающимся голосом Виктор полупрошептал, полукрикнул мне в ухо: "Я снял! Я его снял! Я как раз за ним вел панораму, а он...".

Балок в Чернобыле, 21.50

Вечером в нашем вагончике-балке — стоял он, кстати, в самом Чернобыле, рядом с автовокзалом, — мы обсудили ситуацию. Конечно же, катастрофу вертолета будут расследовать и наш, как говорится, гражданский долг — отдать пленку в правительственную комиссию. Но, во первых, её, по технологии, надо еще проявить и напечатать, во вторых, черта с два потом получишь назад, в третьих... В третьих — самое интересное. Оператор засомневался, снял ли он этот кадр!

— Не помню, — трагическим голосом говорил он, — держал я или отпустил кнопку. Ну, сами представьте — в визир вижу, что падает вертолет. На меня — так в первую секунду показалось! Обломки лопастей над головами летят со свистом! К тому же вокруг народ заорал и рванул... Подумали, что вертолет в развал упал! Нет, не помню. Может, и отпустил кнопку.

Решили так — для проявки послать в Новосибирск Сергея Шихова, а уж потом принимать решение.

Правительственная комиссия, 9 октября 1986

Через неделю проявленную и отпечатанную пленку-дубликат привезли в Чернобыль.

Пленку отдали, как и собирались, в Правительственную комиссию. Там, кстати, состоялся примечательный разговор. "Что было бы, — спросил я хорошо мне знакомого начальника одного из главков Средмаша И.А. Беляева, — если вертолет упал бы не в пятидесяти метров от стенки, а в кратер саркофага? Возможный вариант?". "Возможный? Да просто чудом такое не случилось! Второй Чернобыль был бы, вот что. Тяжелая машина с полной заправкой и грузом на подвеске — шутка ли! Выброс радиоактивности — опять на пол-Европы. Да и на площадку, где митинг был, вертолет тоже мог запросто свалиться. Все сгорели бы заживо. Но болтать, — строго и озабоченно сказал он, — об этом не стоит".

Министерство среднего машиностроения, январь 1987

Дальнейшие события разворачивались следующим образом. Кадр этот, естественно, в фильм я включил и поехал в Москву. К тому времени вышел строгий приказ — все картины на тему Чернобыля должны получать визу специальной комиссии. Я прошел тройной барьер охранников, чуть ли не принюхивающихся ко мне, к паспорту и пропуску. Народу в зале Минсредмаша было человек пятьдесят. Самый большой по чину — заместитель Председателя Совета Министров РСФСР Г. Г. Ведерников, симпатичный, худощавый, постоянно улыбающийся человек. Меня ему представили, я напомнил, что мы встречались в Чернобыле на заседании Правительственной комиссии. Ведерников мне тоже поулыбался, и начался просмотр.

Стих последний аккорд музыки, зажегся свет. В зале повисла тишина. Первым заговорил зампред Совмина. Это был уже другой человек — жесткий, суровый руководитель государственного ранга. И слова он произносил подстать:

— Плохой фильм! Вредный. Что показывают? Едут, понимаешь, в автобусе по зоне люди, все в респираторах, как положено. Нет — нашли одного разгильдяя, который маску снял.

Пример народу показываете — разгильдяйство? Положено респиратор носить — носи!

"Что он к ерунде прицепился, — тоскливо подумал я, — ну, вырежу этот кадр и вся недолга!"

— Техника зарубежная работает! Капиталисты увидят, вой поднимут — мол, без нас бы Советы не справились...

"Хуже дело: что ни кадр — "Демаги", западногерманские краны. Нам же особисты разрешили!"

Однако это, как тут же выяснилось, были цветочки. Точнее — артподготовка перед

главной атакой. Зампред Совмина просто себя распаял.

— По-твоему выходит, у нас в Чернобыле вертолеты поминутно падали?! Просто с неба валились, как дождь — так, по-твоему? — это уже напрямую ко мне. — Жареное протащить хочешь? А мы тебе не позволим жареное тащить!

Я понял, что фильм надо спасать, встал и начал бормотать, что и в уме не держал такой зловредной мысли — тащить жареное, совсем наоборот — полагал, что падение вертолета было случаем единичным, который ярко показывает трудности, с которыми успешно справляется советский народ, который под руководством...

Ведерников перебил:

— Значит, так. Нам такой картины не надо. Все.

И вновь превратился в милого, улыбающегося человека. Но улыбался он уже не мне, а кому-то из министерских работников.

Послесловие

В упавшей машине погибли четверо. Командир вертолета капитан Владимир Воробьев, второй пилот старший лейтенант Александр Юнгинд, бортмеханик старший лейтенант Леонид Христич и прапорщик Николай Ганжук. Последний — из вертодромной obsługi и, в принципе, мог не лететь. Попросился на борт, чтобы сделать сверху несколько эффектных фотокарточек. Судьба!

В 88-м году нашу группу снова занесло в Зону. В первую же поездку на половине 20-километровой дороги между Чернобылем и станцией, точнее, саркофагом, увидели памятник. Тормознули. Из бетонного основания рвется к небу вертолетная лопасть. На полированной металлической пластинке — четыре фамилии. Метрах в ста за памятником — площадка, заросшая рыжей от радиации травой. Отсюда машина поднялась в свой последний полет.

Многие из тех, о ком я рассказывал, уже покинули наш грешный радиоактивный мир. Заместитель министра А.Н.Усанов вскоре после ликвидации аварии получил звезду Героя, а ещё через год умер от рака. Ушел из жизни наш сценарист и редактор Виктор Попов. За месяц с небольшим до смерти он, сбежав из больницы, последний раз пришел на студию, похудевший и резко сдавший. Я начал выдавливать какие-то пустые ободряющие слова. Виктор перебил и сказал: "Знаешь, а ведь я уже побывал там, — он показал на небо. — Не надо туда спешить, там ничего хорошего нету". Погиб и оператор Виктор Гребенюк. Его пригласил в экспедицию к Северному полюсу знаменитый путешественник Федор Конюхов. Естественно, с камерой — снимать. Виктор вылетел в Москву для встречи с группой. В первый же вечер, точнее — ночь, рядом с гостиницей "Урал", где он остановился, его нашли с проломленной головой. Что именно произошло, следствию так и не удалось выяснить.

Камера, которой Виктор снимал в Чернобыле, покоится в Новосибирске под толстым слоем бетона. Металл, из которого она сделана, стал радиоактивным, убрать излучение не удалось.

Поскольку о катастрофе вертолета власти не рассказали сразу, по стране пошли домыслы, слухи и легенды. "Очевидцы, чудом избежавшие смерти", рассказывали потрясенным слушателям, что вертолет упал на людей во время митинга; при этом заживо сгорели не то 100, не то 200 человек. В книге "Чернобыль: события и уроки", изданной в 1980 году, утверждалось, что катастрофа произошла "во время телевизионных съемок". А вот фрагмент из газеты "Молодость Сибири", интервью с офицером-вертолетчиком Андреем Севостьяновым: "Здесь (в Чернобыле — В.Н.) я почувствовал себя летчиком по-настоящему... Рисковали напропалую, пока другой экипаж лопастями прямо о саркофаг не зацепился. Все погибли, вместе со съемочной группой (новосибирской), ради которой ребята так старались выбрать точку съемки лучше...".

О том, что было на самом деле, вы теперь знаете.